

Е.Емельянов

Мир за пределами линии

Егор Емельянов

Мир за пределами Линии

<https://litres.ru/74619903>

SelfPub; 2026

Аннотация

Люди поговаривают, что известный путешественник, граф де Венжу, является то ли шпионом, то ли наёмным убийцей, то ли бесчестным аферистом. Эти люди явно не видели графа де Венжу лично. Очень благородный и, скажем так, излишне осторожный аристократ, он меньше всего производит впечатление хладнокровного душегуба. Вдобавок, граф ещё и ненавидит любые авантюры, хотя и считается при этом самым известным искателем приключений в мире.

Тяга графа де Венжу к путешествиям постоянно приводит его в самые необычные места, и знакомит с самими удивительными людьми. Больше всего удивляет, как он остаётся после этого в живых. Изысканные дворцы и грязные бандитские трущобы, злачные бордели и трюм пиратского корабля – судьба может завести его буквально куда только угодно. И всегда он выйдет сухим из воды (или во всяком случае так он пишет в своих автобиографиях)

Но одна встреча особенно запала в его душу. И лишь много лет спустя Жоффруа де Венжу решился поведать миру эту печальную историю.

Содержание

Глава 1. Моя первая встреча с Безземельным Королём	5
Глава 2. Идеальный удар	43
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Егор Емельянов

Мир за пределами Линии

Глава 1. Моя первая встреча с Безземельным Королём

1.

Смерть Браудера IV, более известного моим дорогим читателям как Безземельный Король, произвела на мир неизгладимое впечатление. Великий полководец, не проигравший ни одной битвы и не выигравший ни одной войны, король без королевства, благороднейший из бандитов и подлейший из всех лордов, он был весь одно сплошное противоречие. Едва ли во всем мире найдётся хоть один город, где Безземельному Королю не поставили кружку доброго эля, и где бы не хотели его вздёрнуть на самом высоком суку. Он был легендой, которую ты рассказываешь у тёплого огня, пока он сам вполне мог оказаться в числе слушателей.

И крестьяне в полях, и благородные дворяне в изысканных залах слышали о его приключениях, рассказывали их своим детям, слушали их детьми. Какие-то из этих эпизодов действительно имели место в реальности, как знаменитое соломенное сражение, которое я имел честь наблюдать лично, сквозь прутья моей клетки. Своими собственными глазами я видел, как воины Короля делали стрелы из соломы и посылали их в сторону вражеских рядов. В те минуты я испы-

тывал очевидное опасение, что оказался в плену у безумцев. Однако, когда от вражеских рядов стали отделяться гонцы с донесениями о подобном безумии, все они, как один направляясь к неприметному шатру позади выстроенной для боя армии, выдавали тем самым расположение своего командира. Тогда я понял замысел Браудера, и появление в тылу врага небольшого, быстрого отряда, пленившего короля Фердинанда и принудившего его к позорной сдаче, меня уже не удивляло.

Однако какие-то из известных историй о похождениях легендарного капитана наёмников явно были сильно преувеличены, если случались вообще. Хороший пример – история про захват целого ворейского княжества дюжиной безоружных воинов. Впрочем, стоит человеку совершить чудо два раза, и никто не будет сомневаться в известиях про третье, четвёртое и все последующие. Это мой совет всем добрым читателям, что захотят однажды примерить мантию пророка.

Когда же новость о смерти Безземельного Короля облетела все три континента, мир замер в ожидании. Казалось, что в любой момент вечный враг Империи выйдет из-за угла, подмигнёт тебе с лукавой улыбкой да сотворит очередное чудо. Ну а слухи о его смерти окажутся лишь частью невероятно хитроумного плана по завоеванию целого королевства с помощью куска парусины и трёх прошлогодних огурцов.

Но время шло, а Эриндальский Змей так и не вышел, не

улыбнулся, оставался мёртвым. В итоге нам всем пришлось признать, что сказка о Безземельном Короле закончилась, и сделала это самым прозаичным и обыденным способом из всех.

В следующий же миг на нас обрушился поток историй ещё более невероятных, биографий ещё более величественных и унижительных, а сам Браудер IV обзавёлся неисчислимым количеством самых близких и доверенных друзей, готовых поведать нам про его самые тайные переживания и мотивы. Что ж, такова, я полагаю, судьба всех мёртвых людей, имевших несчастье быть известными.

Добрый владелец старинной типографии, отправивший в руки читателей уже четыре книги с рассказами о моих путешествиях, как-то прознал о моем знакомстве с Безземельным Королём, от чего я практически тону в письмах с прошениями написать мою собственную историю про этого необычного человека и наши совместные приключения. Стойко выдерживая его осаду в течение двух долгих лет, я все же дал волю сентиментальности, и потому вы, мой добрый друг-читатель, сейчас и скользите взглядом по этим строкам.

Однако, хотя легендарный капитан наёмников и займёт существенное место на грядущих страницах, история эта будет всё же не о нём. Не в этот раз, во всяком случае. И не обо мне, хотя ваш покорный слуга и будет вести вас, мой добрый друг-читатель, под руку на протяжении всей истории.

Истинного же героя сей печальной, но поучительной повести, я пока подержу за кулисами.

Также, перед тем как начать своё повествование, я должен сделать то, на что ни один из уже имеющихсЯ библиографов Браудера IV до сих пор не осмелился – признание. Я честно и открыто признаю, что не являлся близким другом Безземельного Короля, и сомневаюсь, что у него вообще были близкие друзья за всю его жизнь.

Мне довелось встретиться с ним всего четыре раза, где в первую нашу встречу он оказался моим пленником, а в последнюю – пленником стал уже я сам. Эта последняя встреча, растянувшаяся на четыре месяца, была наполнена самыми необычными приключениями за всю мою жизнь. И если имя моё, Жоффруа де Венжу, вам уже знакомо, то вы знаете вес этого утверждения. Но пока я наблюдал за Королём сквозь прутья клетки или плетясь за его лошадьЮ со связанными руками, мне кажется, я узнал его довольно неплохо. И я могу заявить, что всегда окружённый своими бесконечно преданными Рыцарями Эриндаля, постоянный гость в приятных ночных сновидениях у множества прекрасных дам, не теряющий уверенной улыбки на своём загорелом лице, король Браудер IV был бесконечно одинок.

Впрочем, на момент нашей первой встречи я увидел то же, что видели и все остальные: бесстрашного и по-настоящему свободного человека, способного выглядеть достойно даже в кандалах и лохмотьях.

2.

Встреча наша случилась летом 334 г. от Начала Освобождения, во время моего неспешного плаванья вдоль знойных берегов Киретмара радушным, наполненным жизнью Золотым Островам. А именно в легендарную уже тогда Ардию – великий город, облаканный в равной степени и солнцем, и морем, и деньгами. В Ардии было прекрасно всё, кроме необходимости добираться до неё морем. Даже тогда, в возрасте тридцати семи лет, простые матросские радости не были близки моему сердцу, так что с командой корабля я держал себя ласково, но на отдалении, находя иной раз довольно утомительным терпеть их неискушённую грубость и просоленную простоту.

Конечно же, моя любовь к путешествиям не в первый раз приводила меня в море, и обычно я находил спасение в разговорах с капитаном торгового или военного судна, согласившегося взять меня пассажиром. Люди эти, пусть и не всегда благородные по рождению, имели опыт управления и безграничной власти, а при некоторой доле удачи ещё и опыт богатства, так что мне всегда удавалось найти с ними общий язык. Однако то моё плавание оказалось печальным исключением.

Путешествовать в тот раз я предпочёл на торговом корабле с чарующим названием «Удача Катарины» – не в последнюю очередь из-за имени я его и выбрал. Однако вопре-

ки изысканному названию, капитаном и владельцем судна оказался самый квадратный и деревянный человек из всех, что когда-либо выходил на солнце. Человек этот, наречённый родителями и судьбой как Назарио ди Сильва, будто весь состоял из прямых углов, двигался рывками, смотрел на мир рыбьими невыразительными глазами и говорил исключительно коротко. Даже чёрная борода его, вопреки всякой моде и врождённому чувству вкуса, свойственному его соплеменникам, была подстрижена просто и без изысков, и представляла собой прямую, чёрную лопату волос.

Мне стоило заподозрить неладное ещё при первой встрече:

— Скажите, дорогой мой капитан, а кто такая эта Катарина? В чем её удача? И почему её имя украсило ваш славный корабль?

— Это женщина, — ответил он, и весь вид его говорил о том, что капитан находит этот ответ исчерпывающим для всех трёх моих вопросов.

Я мог бы, конечно, позволить себе обычную избирательность, и поискать другой корабль, но страх остаться в пропахшем насквозь рыбьими кишками Гринпорте ещё хотя бы на месяц взял-таки верх. Несмотря на его размеры и важную роль в мировой торговле, город этот был исключительно мерзкий, жёлто-зелёная лужа на полу мироздания. Невозможно было представить, что кто-то может добровольно жить в этой зловонной дыре, и страх однажды принять

подобное за норму гнал меня прочь из города сильнее пожара.

Внезапная же смерть герцога Оранского, грозившая закрытием всех ворот и гавани на неопределённый срок, заставила меня позабыть о всяких опасениях, и я без колебаний заплатил капитану ди Сильва всю требуемую им сумму. Во имя справедливости я считаю своим долгом упомянуть, что цена за каюту на «Удачи Катерины» была более чем справедливая, и ни новость о скором закрытии гавани, ни моё видимое отчаяние никак не повлияли на конечную цену. Я получил именно то, за что было уплачено, без малейшего обмана со стороны капитана Назарио.

Собеседник же из ди Сильва оказался именно таким, как вы могли себе представить по одному приведённому мной примеру. Лишь изредка, на несколько коротких минут, лицо его подавало признаки жизни, а в глазах появлялся огонь – в эти минуты разговор заходил о рыбной ловле. Иной раз он даже начинал жестикулировать, и зрелище это было столь странным и столь неожиданным, как если бы начало двигаться само небо. О рыбе капитан ди Сильва говорил не долго, но много, уместая в короткие промежутки своего вдохновения бесчисленное количество слов и невероятное количество информации, изложенной с тщательностью университетского профессора. Торжественно клянусь моим дорогим читателям, что всё, что я знаю о рыбной ловле, я узнал против своей воли, и исключительно за эти долгие недели.

3.

Моей единственной отдушиной в том путешествии стал первый помощник, Винченцо ди Арде – юноша девятнадцати лет. Человек необычайной красоты и самого благородного происхождения, во всяком случае именно таким он и предстал передо мной в том плавании. Именно с ним я и хотел бы в этот раз познакомить моего читателя.

Наше знакомство с молодым Энзо случилось, стоило мне лишь ступить на борт «Удачи Катарины». Я, как и подобает в таких случаях, хотел засвидетельствовать офицерскому составу корабля моё почтение, и, ухватив за ворот ближайшего оборванца, истребовал сопровождения. Нахал озарил меня тем, что сам, по-видимому, считал улыбкой, и указал на вершину главной мачты, предложив мне проследовать к первому помощнику самостоятельно. Расплатившись с матросом ударом тыльной стороной ладони по его грязному лицу, я посмотрел ввысь.

Юный Винченцо в тот момент был для меня лишь силуэтом. Несмотря на звание первого помощника, он прилаживал какие-то верёвки к парусам на вершине мачты – надеюсь, читатель будет милостив и простит путешественнику незнание матросских словечек. Уже тогда, ещё не зная его благородной фамилии, я подивился подобному положению вещей, вместе с ладностью и ловкостью этого упругого силуэта наверху.

Я окликнул его и потребовал спуститься, дабы мог он надлежащим уровнем представиться, как оно и положено, но моя вежливая просьба была проигнорирована. Надо ли говорить, что первое впечатление моё о Винченцо ди Арде оказалось пренеприятнейшим, если не сказать хуже?

Настоящее же наше знакомство случилось после моего ужина с капитаном – первого и самого чудовищного в практически вечной чередё невыразимо тоскливых ужинов. Крепкая фигура отделилась от матросов, пока я отдыхал у левого борта, в задней части корабля, и по уверенному шагу я мигом признал дворянина или офицера.

«Первый помощник, – подумал я тогда. – Хочет выразить свои извинения за сегодняшнее утро и желает представиться положенным образом».

Смущала лишь целеустремлённая уверенность, с которой мне несли причитающиеся извинения. По мере приближения Винченцо, я смог выловить из вечернего сумрака черты его внешности: молодое лицо, пока без истории, было приятно глазу и мужественным, но при этом не грубое, а скорее лучистое и тёплое, как пламя костра. Рукава грязной рубахи были закатаны, являя миру крепкие, жилистые руки, присыпанные нежным белым пушком. Плавные, но скупые движения и звонкая, натянутая фигура выдавали в Винченцо фехтовальщика, а отсутствие шрамов – фехтовальщика умелого, но неопытного.

Я поднял на него взгляд, любуясь юностью и красотой, и

ожидая, пока он представится надлежащим образом.

— Люди говорят, что вы убийца, мсье де Венжу, — сказал он мне вместо этого. — Это правда?

Я не мог не засмеяться той непосредственностью, с которой он задал вопрос. Не смог даже сделать вид, что обижен его бестактностью, пусть она меня немного и задела. Позднее прямолинейность юноши я даже находил очаровательной.

— Друг мой, слухи о том, что я якобы убиваю людей за деньги, ходят сколько я себя помню. А помню я себя более или менее уже лет двадцать. Могу вас заверить совершенно откровенно, что это лишь слухи.

— Но люди ведь умирают в тех городах, что вы посещаете. Даже в Гринпорте, где мы взяли вас пассажиром, за день до отплытия умер какой-то герцог.

— Люди умирают постоянно, в этом одна из наших самых трагичных особенностей. Может быть, даже самая трагичная из всех. А уж в больших городах смерти случаются тем более регулярно и без всякой посторонней помощи. Мне лишь случается быть там гостем и одним только этим фактом вызывать подозрение.

— Герцоги все же умирают не так часто.

— Ничуть не реже прочих, просто не в таком количестве. Герцогу Оранскому я не был даже представлен, но, признаюсь честно, наслышан о нем. И слышал я далеко не самые лестные вещи. Человек был не очень хорош в умении заводить друзей, но вот в его способности найти себе как можно

больше врагов сомневаться не приходится.

— То есть, его всё-таки могли убить? — голос молодого Винченцо стал не таким напряжённым. — Вы очень легко об этом говорите.

— Мне грустно было узнать о его смерти. Грусть вызывает у меня любая смерть как таковая, но я не скажу, что именно эта вызвала у меня хоть какое-то удивление.

— Однако вы поспешили покинуть город.

— Как и вы. Признайтесь, Винченцо, за что вы убили несчастного герцога?

Мы посмеялись этой шутке.

— Люди и правда не так уж часто путешествуют без нужды, и человек, что приехал просто так, действительно вызывает подозрения, — сказал я, отсмеявшись. — Восемь раз за последние три года мне случалось беседовать с Последней Стражей, так как бдительным жителям то тут, то там пришлый незнакомец с грамотной речью казался слишком подозрительным.

— На самом деле, я бы тоже присмотрелся к такому путешественнику. Арендовать каюту на торговом корабле или экипаж на сотни или даже тысячи вёрст просто для того, чтобы посмотреть на город? Звучит и правда довольно расточительно.

— Признаю, удовольствие и правда не из дешёвых. Но, унаследовав неожиданно для себя все земли графства Венжу, я довольно быстро заметил, что оно тем прибыльнее, чем

реже я пытаюсь им руководить. А самые прибыльные урожаи так и вовсе неизменно случались в моё отсутствие.

— Это должно быть довольно обидно.

— Ни капли. Последовать зову сердца и отправиться посмотреть весь мир — это буквально лучшее, что я мог сделать для своих подданных. Так что с тех пор я всегда в дороге, и от этого становлюсь только богаче как в финансовом плане, так и в духовном. Если вам выпадет такой случай, я настоятельно рекомендую попробовать — на многие вещи начинаешь смотреть гораздо шире, если увидишь их под разными углами.

— И вы просто ездите из одного места в другое и изредка пишете об увиденном?

— По большей части так и есть, с небольшими исключениями. В виду моего дворянского происхождения и достаточно весомого титула, меня просят иной раз выступить третьей стороной в различных спорах или поспособствовать решению особо деликатных вопросов. Так что если вам нужно представить меня в высшем обществе, а слово «путешественник» кажется вам слишком вульгарным, вы всегда можете назвать меня дипломатом и тем не погрешить против истины.

— Клянусь вам на всём, что для меня свято, Жоффра, что никогда не назову вас дипломатом. Путешественник женщинам явно понравится куда больше.

Надо сказать, что Винченцо был большой знаток по лю-

бовным делам, но вовсе не благодаря своей природной красоте или тем более титулу. Было в нём что-то такое, от чего женщины млели и тянулись к нему, какая-то порочная чистота.

4.

Как мои дорогие читатели уже наверняка догадались по его имени, Винченцо – потомок одного из трёх святых торговцев, основателя независимой торговой республики Арде-Лорато. Позднее я узнал, что имел место большой скандал, когда юный Винченцо решил поступить на торговый корабль простым моряком. Спустя полгода очень эмоционального, как это и заведено в тёплых странах, конфликта, великий дож и его сын пришли к компромиссу в виде должности первого помощника.

— Я хотел иметь что-то своё, — признался он мне в один из вечеров. — Добиться чего-то лишь своими собственными руками, понимаете?

— Конечно, понимаю, — согласился я. — Понимаю, что вы, мой друг, молоды, а потому неизбежно наивны. Неважно, что вы сделаете в этой жизни, но вы сделаете это как потомок ди Арде. Иногда в этом есть преимущества.

— Первым помощником я стал своими силами!

Когда я сейчас пишу эти строки, я с умилением вспоминаю наивность молодого Винченцо. Он сам, должно быть, по прошествии лет не сдержал бы ухмылки, вспомнив свои соб-

ственные слова.

Несомненно, будучи сыном дожа и потомком святого Арде, юный Винченцо имел преимущество перед другими моряками. Фамилии он был обязан своему стремительному продвижению до первого помощника куда больше, чем труду. И я мог бы посмотреть на него свысока по этому поводу, сказать с усмешкой, что Энзо не заслужил своё место. Это верно лишь отчасти.

Стоило лишь увидеть его неутомимый энтузиазм, и позвать его мозолистую руку, как становилось ясно – этот человек пробился бы высоко даже если бы начал в самой глубокой канаве. Благородное происхождение не освободило ему путь, но лишь сэкономило ему время.

В ту ночь я ответил ему со всей свойственной мне дипломатичностью:

— Как много вы знаете первых помощников девятнадцати лет отроду?

На самом деле видеть на палубе корабля потомков благородных семей из республики было в те времена делом достаточно обычным, я бы даже сказал обыденным. Многие из них выходили в море на собственных небольших кораблях в статусе капитана, командуя, а не исполняя приказы.

На деле же все они являлись скорее титулованными пассажирами, наблюдающими и перенимающими опыт своего первого помощника, а зачастую и просто зарабатывая себе легитимность в малом совете республики. Жители моря лю-

бят, когда ими правит моряк, не задумываясь о том, что править лучше правителю, а моряку — ставить паруса.

Наш разговор имел внезапное продолжение несколькими днями позже, когда Энзо вдруг заявил мне:

— Я не могу отказаться от своей фамилии, даже если бы захотел. Это часть меня.

— Никто и не просил вас отречься от рода.

— Но вы смеялись надо мной за то, что я пытался.

— Помилуйте. Я лишь улыбнулся.

Видя его серьёзный настрой, я отложил в сторону свои остроты.

— Винченцо, кому как не дворянину знать, что люди не родились равными. И равными никогда не будут.

— Мы все имеем две руки и одну голову, — возразил он, очевидно находясь под влиянием модных философов либерального толка. — Разве если меня порезать ножом, не потечёт из меня кровь? Разве не будет она красной?

— Однажды мне довелось путешествовать с врачом из досточтимой Императорской Академии Наук. Он открыл мне, что кровь наша, неизменно красная, тоже далеко не одинакова для всех. Мы все различны: иные рождаются умнее прочих, другие с большей силой мышц, пока третьи лучше переживают морскую качку или крепость воре́йского пойла. А часть людей родилась в семьях богатых и знатных.

— И тем стала лучше прочих?

— Безусловно. Мы потомки тех, кто стоял у истоков Осво-

бождения, правнуки лучших людей Второй эпохи. Мы рождаемся в чистых комнатах, питаемся лучшим мясом и пьём лучшее вино, больше времени отводим на крепкий сон, знакомы с науками и изящными искусствами. Всё это делает вас лучше. Мне тридцать семь, и я всё ещё достаточно хорош собой. И буду таким ещё лет двадцать или тридцать. Большинство простолюдинов к тридцати семи похожи на раздавленный сушёный чернослив. Что будет с ними через два десятка страшно даже представить.

— Они ничем не хуже нас с вами. Дайте им то же образование и удобства, иные превзойдут и вас. Вы сами сказали: кто-то рождён умным, иные рождаются сильными.

— Не так уж много в мире хорошего вина. Разлей его по бокалам каждого, и никто не получит и капли. Попробуй уравнивать людей, и ты не сделаешь всех дворянами, лишь сделаешь всех несчастными простолюдинами. И поверьте мне, миру не нужно ещё больше простолюдинов. Умный крестьянин станет хорошим счетоводом или управляющим. Сильный — станет достойным солдатом.

Не скажу, что мне удалось убедить юношу в своей правоте. Да и когда бы мудрость могла переспорить молодость? Лишь время могло показать ему правдивость моих слов, потому как жизнь — самый лучший, и самый суровый учитель. К идеалистам же она особенно беспощадна.

Но мои слова точно дали определённые всходы, и никогда более в своей жизни Винченцо ди Арде не отказывался от

своего полного имени. В будущем я неоднократно жалел об этом.

Винченцо, вероятно, был единственным дворянином республики, который хотел проводить молодость среди матросов, а не просто терпел их ради высокого кресла в будущем. Похвальный, но совершенно напрасный идеализм. Который, помимо прочего, лишал меня его занимательного общества на большую часть плавания.

В отличие от вашего покорного слуги, опыт тогда ещё не приучил юного Винченцо держать дистанцию с людьми подчинёнными, а потому большую часть времени он проводил среди матросов, распевая простенькие песенки да показывая свою молодую удаль и крепость мышц. Жизнь была в нем через край, и, находясь рядом, нельзя было не ощутить этой свежей и бодрой силы. Наблюдая за тем, как ловко и быстро он, обнажённый по пояс и с залиvistым смехом, летает над палубой по канатам и мачтам, как бесстрашно ныряет за борт прямо с реи, и как улыбается на очередном похабном куплете, даже я не мог сдержать улыбки.

Однако и у безграничной юности есть свои пределы. Вечерами Винченцо все же время от времени присоединялся ко мне и бутылке достойного вина. В качестве ответной любезности, ранним утром я составлял ему компанию в занятиях с мечом. Он видел меня как партнёра по фехтованию, я же видел себя больше в качестве разговорчивого оруженосца.

Ежедневно наблюдая за тренировками Винченцо, я мог

поручиться за его мастерство, пусть даже мои собственные познания в фехтовании весьма скромные. Энзо знал, как держать меч, куда ставить ногу, как наносить удар, и делал это с той же лёгкостью, как вы или я вдыхаем воздух. Однако одного взгляда на его светлое лицо и горящие глаза было достаточно, чтобы понять — этот человек не убийца. Не может тот, в ком столько жизни, приносить смерть.

В то роковое утро, когда нам обоим представилась возможность лично встретить Безземельного Короля, мы проводили время на верхней палубе. Винченцо сражался мечом со своей тенью, а я — с горечью однообразных завтраков. Я как раз заканчивал второй бокал вина, когда мой юный друг неожиданно отложил тренировочный меч и снял с пояса раздвижную подзорную трубу. Вглядевшись в море, он крикнул во всю мощь своего юношеского голоса:

— Вражеский корабль! С правого борта!

5.

Не потребовалось много времени, чтобы капитан подтвердил догадку Винчензо. Сразу же состоялся быстрый закрытый совет в капитанской каюте, куда я также был приглашён в знак уважения к моему титулу и положению пассажира. Права голоса я не имел, но мог, при желании, высказать свои опасения и пожелания, быть услышанным и получить в ответ успокаивающее покачивание капитанской головы.

С некоторым удивлением я обнаружил, что капитанская

каюта, где нам предстояло совещаться, была вдвое меньше моей. Несмотря на крайнюю скупость её обстановки, втроем мы едва смогли в неё втиснуться. Немногочисленные пожитки капитана Назарио лежали в строгом, неестественном порядке, и в какой-то момент я подметил, что невольно стараюсь избежать малейшего к ним прикосновения, дабы не порушить неуловимую симфонию их организованности.

Корабль потенциального врага несомненно принадлежал северянам из Олдлэнда. Флаг на его мачте, белая змея на чёрном фоне, не оставлял ни малейших сомнений в том, с какого берега он отчалил. Противостояние ожидалось идейное, и полагаться на благоразумие любой из сторон было бы наивно.

Шёл 406 год со дня Освобождения, и ярл Ригард Полумертвый к тому моменту вышел победителем из кровавой пятилетней бойни, которую кланы Восточного берега называли войной. Призвав в свою армию племена изгоев из Белого Края и заручившись помощью Ковальского княжества, предоставившего для его полудикого воинства достаточно оружия и брони, Ригард объединил разрозненные земли под одной рукой, и провозгласил себя конунгом всего Восточного Берега. Сразу после, вместо ожидаемого похода на Южный берег, он взялся за реформы и преобразования.

Отчаянные головорезы и наёмники с севера постепенно все дальше и дальше отходили от налётов и грабежей, предпочитая путь торговли и процветания. Что, конечно же, не

вызвало особой радости у их прямых конкурентов, республики Арде-Лорато.

Занимая все Золотые острова, расположенные аккуратно между Старым и Новым Светом, республиканцы долгое время наслаждались монополией на мировую торговлю. Они имели долю в каждой продаже, что совершалась даже в самых отдалённых уголках мира, их корабли и торговые представительства были везде.

Но республика – это множество отдельных, конкурирующих семей, в то время как более многочисленные ворлинги под властью одного правителя выступили единым фронтом, ничуть при этом не уступая в опыте мореходства. Более того, отсутствие морали цивилизованного мира позволило северянам зайти на рынки, скажем так, недоступные человеку богобоязненному. А потому необычайно прибыльные.

Все это вылилось в ожесточённое противостояние, причём не только на мировом рынке, но и в открытом море. Рождённые и выросшие во время бесконечной войны ворлинги, поколениями оттачивавшие воинское искусство в налётах и грабежах, были грозными соперниками, но на стороне республиканцев оказались более современные и быстроходные корабли. Да и в воинской доблести юга сомневаться тоже не приходилось, в чем не раз убеждались рыскающие по торговым маршрутам пираты.

Ранее я называл «Удачу Катарини» торговым кораблём, но важно понимать, что разница между торговыми и воен-

ными кораблями Ардии была лишь одна: плыл он в сторону врага, или же от него. Каждый моряк на корабле одинаково хорошо управлялся и с парусом, и с абордажной саблей, на носу корабля стояла внушительных размеров баллиста, а в трюмах рядом с шелками и пряностями лежали короткие луки и внушительный запас стрел. Случись «Удаче Катарины» принять бой, она вполне могла выйти в нём победителем.

— Они проклятые работорговцы, ди Сильва, о чем тут ещё можно думать? — начал совещание с места в карьер Винченцо. — Бог знает сколько несчастных душ томится сейчас в их трюме, а мы просто дадим им проплыть мимо? Это все равно, что самому привести невольника на рынок!

— В трюме могут быть рабы, — согласился капитан. — А могут быть пряности. Или вооружённые головорезы. У нас же в трюме лишь ценный груз, а на борту — пассажиры.

Назарио кивнул в мою сторону, я же в свою очередь решил промолчать. Быть доводом для защиты работорговцев я не собирался, но и перспектива боевого столкновения мне радости также не внушала.

— Да хоть весь Олдлэнд они туда затолкали, что с того? Хватило же наглости плыть через Золотое море, у самого нашего берега. Это открытый вызов!

— Тем больше это похоже на ловушку. Они не дураки.

— Они торговцы рабами и чернослёзом, грабители и головорезы. Пропустим этих, и через год каждый северянин будет знать, что может спокойно плавать у самого носа рес-

публики! И недалёк тот час, когда они задумаются, а нельзя ли грабить, насиловать и убивать на наших берегах.

— Республика не ведёт войны. Между дожем Пьеро и Полумёртвым подписан мирный договор.

— Нет мира за пределами Линии!

Ах, «мир за Линией» – этот довод неизбежно всплывал в любом морском споре.

Линией моряки называют линию горизонта, за которой корабль пропадает из прямой видимости и где дальнейшая его судьба становится неизвестной. Договоры, пакты и соглашения, законы и правила – все это зачастую не действует вдали от берега, где каждый капитан есть король своего маленького государства. Что бы ни случилось в открытом море, оно остаётся в открытом море. А фраза «нет мира за пределами Линии», давно ставшая крылатой, из расхожего высказывания превратилась в негласный закон. Но то был первый раз на моей памяти, когда ею оправдывали не очередной грабёж торгового судна или жестокие убийства, но спасение взятых в рабство пленников.

В капитанской каюте установилось душное молчание. Капитан перевёл взгляд на меня, и мне ничего не оставалось, кроме как высказаться:

— Корабль ворлингов в Золотом море и правда выглядит слишком похоже на ловушку. При этом вы явно не рассчитывали на боевое столкновение, так что команда недоукомплектованная, а сам корабль тяжёл от заполнивших трюм то-

варов, что равняет нас по скорости и манёвренности с северянами. Носовая баллиста «Удачи Катарины» же хоть и заряжена, но не имеет запасных ядер для перезарядки, и, в сущности, годится лишь для устрашения и красоты. Запас стрел в трюме достаточен, но среди матросов мало хороших стрелков, всего девять человек.

— Вы довольно неплохо изучили мой корабль, мсье де Венжу.

Я лишь пожал плечами:

— Других дел у меня в последнее время не было.

Финальное слово было за капитаном. Будь между первым помощником и мной единство, по законам республики мы бы могли взять верх над его решением, но в текущей ситуации решение предстояло принять самому Назарио.

— Всю команду на палубу, — сказал ди Сильва как всегда спокойно и медленно выдохнул. — Готовьте луки, раздайте мечи, разворот вправо. Курс держать на врага. Будем драться.

6.

Хотя корабли республики и были более быстрыми и манёвренными, чем корабли северян, большая партия груза мешала «Удаче Катарины» показать свои достоинства в полной мере. Признаюсь, что при начале манёвров у меня были надежды на благоразумие нашего противника, на их благоразумное бегство. Довольно быстро стало очевидно, что гор-

дые сыны Олдлэнда бежать без боя не собираются. Сражение стало неизбежным.

— Вы тоже будете сражаться? — спросил меня капитан, взглядом указав на оружие в ножнах у меня на поясе.

— Побойтесь бога, капитан. Мне случилось достать эту штуку всего один раз, ещё юношей, и я каким-то образом умудрился сам же и пораниться об неё. Полагаю, для всех нас будет лучше, если мой меч останется нетронутым.

Назарио кивнул с видимым облегчением: по всей видимости, объясняться перед королём Брелонии о смерти его вассала ему хотелось не сильно. Я был счастлив помочь ему избежать подобной необходимости.

Тем временем манёвры двух кораблей подходили к концу. «Удача Катарины» вышла носом к борту вражеского корабля. Залпом из баллисты республиканцам удалось проделать дыру в парусе северян, на что те ответили четырьмя залпами стрел. К окончанию четвёртого наш корабль так же смог повернуться к противнику правым бортом, после чего ответить не менее дружными выстрелами.

Обмен стрелами, как и последующее сражение, я не имел удовольствия наблюдать лично, присев в самом дальнем углу, который только смог найти и накрывшись, для верности, крышкой от бочки с сильным запахом плесени. Таким образом, после первого вражеского залпа я мог лишь слышать команды Назарио, крики и ругань матросов да перестук падающих тут и там стрел. После я почувствовал сильный толчок,

едва не опрокинувший меня лицом в палубу – как я узнал позднее, это «Удача Катарины» протаранила вражеский корабль с левого борта. После этого храбрые матросы республики отправились на абордаж.

Криков и брани стало заметно больше, но, по счастью, они отдалялись и со временем затихли. Любопытство во мне спорило с осторожностью, уже не в первый раз в моей жизни, но так как я сейчас имею счастье писать эти строки, а вы, мой друг-читатель, можете их лицезреть, то мораль истории делается очевидной: осторожность во мне каждый раз побеждала. Лишь когда шум боя затих окончательно, я покинул своё укрытие и с большим облегчением обнаружил, что победа была за нами.

То тут, то там расположилось несколько трупов, и запах в целом стоял весьма неприятный, а палуба сделалась довольно скользкой, но подобные мелочи никак не могли испортить мне настроение. Поддавшись освобождённому любопытству, я проследовал на захваченный корабль, где брали в плен оставшихся ворлингов, большей частью раненых и всех как один жутко недовольных.

К чести республиканцев нельзя не сказать, что с пленными они обращались достойно, обработав их раны и пощадив не только их жизни, но и гордость. Хотя несколько шуток конечно же имели место быть, и одного ворлинга в итоге оскотили, а ещё парочку позднее протащили на канате за плывущим кораблём. У человека, ещё недавно видевшего и вер-

шившего смерть, нередко просыпается невероятное чувство юмора.

Впрочем, о полной безопасности говорить было всё же несколько преждевременно, ведь капитан северян заперся у себя в каюте за массивной и внушительной дверью, да ещё и с несколькими воинами в придачу. К моменту моего появления переговоры о сдаче были в самом разгаре.

— Нас тут ещё десять человек, — услышал я бодрый голос за дверью, говоривший на железном языке без какого-либо акцента. — Семеро из нас вооружены, а восемь — весьма опасны. Я бы лично не пожелал встретиться с нами в узком дверном проёме.

— Оставить вас на месте мы тоже не можем, — сказал капитан Назарио.

— Открывайте эту проклятую дверь и дело с концом! — добавил Винченцо.

Клинок юноши хоть и был обнажён, но оставался чистым, и я в очередной раз отметил благоразумие капитана ди Сильвы. Объясняться перед своим патроном за смерть его сына было явно ничуть не лучше, чем перед королём Брелонии за смерть его вассала. Хотя самому Винченцо стоять на скользкой от крови палубе с чистым клинком должно было быть несколько неловко.

За дверью послышались приглушенные споры, после чего всё тот же бодрый голос ответил:

— Капитан «Кающегося», Элоф Солёный, предлагает ре-

шить вопрос поединком. Он лично выйдет против вашего лучшего бойца, и если одержит верх, то он и его люди будут отпущены, вместе с кораблём. В случае же победы с вашей стороны, мы все здесь перейдём к вам в пленение.

— Нет, — сказал капитан и кивнул двум своим людям, что стояли поодаль с массивными топорами.

— Каковы условия поединка? — спросил Винченцо, делая шаг вперёд.

— На севере у каждого поединка всегда лишь одно условие: победил тот, кто дышит.

Стоящие вокруг матросы замерли, переглянулись. Винченцо оставался невозмутимым, но полагаю, свою долю страха ему всё же отмерили. Просто стыд перед матросами за чистый клинок жалил его куда острее и безжалостнее.

Капитан решительно приблизился к сыну дожа, схватил его за предплечье.

— Я не могу вам этого позволить, Винченцо.

— Вы не можете мне запретить.

— Я капитан этого корабля.

— А я его владелец. И если вы не отпустите мою руку, то я выберу себе другого капитана.

Винченцо пришлось вырвать свою руку силой.

— Назарио ди Сильва, я освобождаю вас от обязанностей капитана «Удачи Катарины». Свой расчёт вы получите по прибытии, а до того момента останетесь на борту в качестве пассажира. Можете быть свободны.

Повисло тяжёлое молчание, длившееся, однако, недолго. Ди Сильва коротко кивнул и чеканным военным шагом проследовал в свою каюту, глядя прямо перед собой и не произнося более ни слова.

— Капитан «Кающегося»? Я согласен на ваши условия и прошу графа Жоффруа де Венжу, как известного дипломата, выступить в качестве свидетеля нашей договорённости. Пусть будет поединок.

Моего согласия, разумеется, никто не спросил, и вдобавок Винченцо назвал меня дипломатом, чего ранее обещал никогда не делать. Не то, чтобы вокруг были прекрасные дамы, но всё же. Впрочем, я предпочитаю напоминать о себе как можно меньше в подобных ситуациях, а потому никаких возражений не высказал.

С той стороны двери, меж тем, защёлкали замки, и вскоре наружу выбрался капитан и его воины. А так же говоривший от их лица переводчик, коим, разумеется, и был Браудер IV, Безземельный Король.

7.

Родившись в военных лагерях, проведя в них и в бесконечных походах всю свою сознательную жизнь, Браудер IV, законный наследник Эриндаля, меньше всего походил на капитана наёмников. Одетый по последней моде, с гордой, поистине королевской осанкой и весьма учтивыми манера, он был дворянином до мозга костей. Но в то же самое время

его ухмылка, его речь и вызывающая манера держаться были куда более свойственны командиру отчаянных головорезов, нежели благородному монарху, пусть даже лишённому родовых земель и всех титулов.

С изящным, преувеличенно-вежливым поклоном, он представился нам:

— Король Браудер, законный правитель семи герцогств Эриндаля и главнокомандующий его армии. Временно путешествующий.

— Браудер IV? — уточнил я. — Безземельный Король? Лёгкая тень пробежала по его лицу, но улыбка не угасла и на мгновение.

— К вашим услугам, — отвесил он ещё один излишне-доброжелательный поклон. — А этот благородный воин подле меня есть Элоф Солёный, капитан «Кающегося» и защитник нашей свободы.

Капитаном ворлингов оказался крепкого вида старик с обветренным лицом и холодным взглядом, вооружённый топором и простым деревянным щитом. Ни шлема, ни кольчуги на нём не было, что, впрочем, не мешало ему держаться довольно уверенно. Железного языка старик не знал, но услышав своё имя, стукнул обухом топора по щиту, после чего кивнул Винчензо — дал знать, что готов к бою.

— Я прошу прощения, — ответил на это Винчензо, густо покраснев. — Принимая вызов, я не знал, что капитан «Кающегося» находится в столь почтенном возрасте. Я пойму и

не возражаю, если тот выставит вместо себя защитника.

Безземельный Король ободряюще улыбнулся, после чего перевёл слова юноши для старика. Тот захохотал, и вновь ударил в свой щит, после чего ответил уже словами, что так же были переведены его необычным компаньоном:

— Я уже дважды состарился, дожидаясь достойного противника. Сколько самоуверенных юнцов я отправил целовать дно – сбился со счёта. Если ты хорош – давай драться. Если ты боишься – мы плывём дальше.

Винченцо успел лишь кивнуть, как бой начался.

Страдающие избытком романтизма авторы склонны описывать поединок двух воинов на множестве страниц, где судьба благоволит то одному, то другому, и итог пляшет на острие их клинков. Но правда жизни проста и коротка: если оба они знают своё дело, то бой продолжается до первой ошибки. А первая ошибка случается быстро.

Прекрасно понимая, за кем тут преимущество в силе и выносливости, старик атаковал стремительно и едва не снёс Винченцо половину черепа. Тот в последний момент успел уклониться и даже контратаковать своим мечом. Северянин отвёл выпад в сторону кромкой щита, продолжил насаждать, но преимущество внезапной атаки уже было использовано. Выгадав мгновение, Винченцо отпрыгнул в сторону, вытащил из ножен короткий клинок. Серией коротких ударов он вынудил противника отступить, перехватил инициативу, а ложным выпадам заставил открыться. Лезвие меча остави-

ло широкую красную полосу на ноге Элофа, а последующий удар вынудил встать на колено. Мгновение, и острое короткого клинка вошло старику в горло — чисто, как в учебных свитках.

Я успел лишь выдохнуть, как Винченцо уже извлёк своё оружие из умирающего старика, встал ровно по стойке, словно ученик, ожидающий оценки наставника. Лишь когда северянин тяжело рухнул на палубу, осознал произошедшее. С некоторым удивлением посмотрел он на левую руку, заляпанную чужой и ещё тёплой кровью, потом на мертвеца, но более ничем не выдал своей растерянности.

— Полагаю, это всё? — спросил он у Короля.

С мрачным достоинством северяне побросали на палубу своё оружие, молча позволили себя связать. Дальнейшая судьба их, с учётом отношения республики к их брату, была незавидна, однако они принимали этот вызов с похвальной стойкостью.

— А что насчёт этого? — спросил один из матросов, жестом указывая на Браудера, демонстративно поднявшего пустые руки со сведёнными вместе запястьями.

— На вашем месте я не пожалел бы верёвки, — дал совет своим пленителям Безземельный Король. — Как-никак, уже месяц, как я объявил вам войну в качестве союзника Империи, и уже успел захватить и передать имперским войскам вашу главную крепость, Порто-Вердэ.

Ропот пронёсся по рядам матросов.

— Я думал, империя ваш главный враг в борьбе за возврат короны, — заметил я с немалым любопытством.

— Так оно и есть. Именно поэтому гарнизон Порто-Вердэ впустил меня и две сотни моих людей за свои стены без малейших сомнений. Они за это даже фактически заплатили. Показали нам, где расположены амбары с провиантом и запасами питьевой воды, открыли для нас оружейную, дали вдоволь выспаться и отдохнуть — очень славные и гостеприимные люди. Город в итоге сдался практически без сопротивления.

— Негодяй!

У Винченцо не хватило терпения держать себя в руках, но, по меньшей мере, хватило благоразумия нанести удар пустым кулаком. Безземельный Король же, покачнувшись и потеряв пальцами пострадавшую челюсть, не потерял своей беззаботной улыбки и вновь протянул вперёд руки.

— Полагаю, одними верёвками мы не обойдёмся? — спросил он.

8.

Оставшиеся дни пути «Удачи Катарины» король Браудер провёл в цепях и под замком. Что, впрочем, ничуть не уменьшило его оптимизма и жизнелюбия, так что весь путь он услаждал нас громкими народными песнями Эриндаля, стихами собственного сочинения, а так же пересказывал скабрёзные солдатские шуточки. Вечерами он отказывался при-

нимать пищу без бокала достойного вина, а по утрам настаивал на прогулке по палубе, которую в итоге совершал под бдительным присмотром двух вооружённых матросов.

Куда и каким образом мог он сбежать посреди открытого моря? Никто не знал, но слава его и подозрительно-хорошее расположение духа заставляли предусматривать любые возможности.

Признаюсь честно, я наслаждался этими последними днями плавания. Большую часть дня я коротал в беседах с легендарным полководцем, слушая его рассказы о былых приключениях и просто забавные истории из жизни ловцов удачи. А когда Браудер узнал, что сам император назначил за его голову немыслимую награду в двадцать пять золотых колец, то стал требовать с Винчензо обещание, что его продадут никак не меньше, чем за пятьдесят. Любую другую сумму он называл оскорблением. Лишь о последнем своём контракте, где он встал на сторону своего заклятого врага и помог ему захватить вольный город, он упорно не желал разговаривать, неизменно отшучиваясь и уводя разговор в сторону. Я, в свою очередь, не настаивал.

Я допускал мысль, что он мог соврать нам о захвате Порто-Верде, как и о начале войны между империей и республикой, но смысла в такой лжи не видел. Наплести что-то подобное, оказаться в цепях, и что потом?

С другой стороны, если Браудер действительно делал грязную работу за своего злейшего врага и захватил город

ударом в спину, то сообщать об этом в лицо сыну дожа и разгорячённым схваткой матросам было идеей не менее странной. Нутром я чувствовал, что всё это — часть какого-то особо хитрого манёвра, очередного невероятного в своей дерзости плана. Да все, я полагаю, ощущали нечто подобное. Но сколько я ни думал, никак не мог найти ответ на эту загадку. А когда на горизонте замаячили очертания Ардии, стало понятно, что каков бы ни был план Безземельного Короля, побег в его замысел не входил точно.

— Что ждёт вашего знаменитого пленника по прибытию? — спросил я у Винченцо, задумчиво глядящего на родной город.

Буквально на следующий же день после ссоры с Назарио, юный Винченцо принёс тому самые искренние и пламенные извинения, после чего немедленно восстановил в должности капитана. Своё возвращение ди Сильва принял ровно так же, как и отстранение — коротким, молчаливым кивком, после чего все вернулось на круги своя.

Впрочем, не нужно быть знатоком человеческих душ, чтобы заметить, как что-то между капитаном и его первым помощником неуловимо изменилось. Что-то невысказанное, но оставившее след на каждом их шаге, каждом движении головы или взмахе руки. Так меняется абсолютно всё и ничего между отцом и сыном, когда юноша впервые обнаружит, что может побить своего старика.

— Если то, что он сказал нам, правда, — ответил Винчен-

зо не глядя в мою сторону, — то ему отрубят голову. Может быть даже повесят. Точнее, сначала за него по старой традиции назначат выкуп, равный его проступку, но в данном конкретном случае цена за его жизнь будет скорее символическая. Что-то вроде всего золота мира.

— Возможно, он смог бы и заплатить.

— Возможно... Он не такой, каким я его представлял.

— А каким вы его себе представляли?

— На нашей стороне.

Я понимающе кивнул и уже собирался оставить юношу в покое, когда он внезапно повернулся ко мне лицом. Я сразу понял, что спал он в последние дни не очень хорошо.

— Скажите, Жоффруа, вам случалось убивать человека?

Я сразу понял, что тяготит его чистое сердце.

— По счастью, бог пока миловал, — ответил я, а после почти сразу добавил: — однако не думаю, что и ваш случай можно назвать убийством. Когда седовласый северянин выходит биться с молодым воином один на один, он, как правило, не ищет победы. Умирать в бою для них что-то вроде вредной привычки.

— Я видел его глаза. За пару мгновений до того, как они остекленели. Он совсем не хотел умирать, Жоффруа, совсем не хотел. Я не знаю, чего он желал, когда предлагал мне этот поединок, но в последний момент он просто хотел жить.

— Как и любой на его месте, мне кажется. Но вы нанесли удар не тому человеку с распахнутыми от жажды жизни гла-

зами, а тому, кто вышел из той двери с оружием в руках.

— Мертвецу ходить было бы сложновато.

— И, тем не менее, он уже был мёртв. Это главная правда о смерти из всех мне известных – мы умираем в момент, когда отвечаем на последний вопрос, зачастую даже сами этого не осознавая. А дальше мы просто яблоко, падающее с яблони. У падения же может быть только один итог.

— Я мог бы поймать это яблоко.

— Могли бы. Проиграть в бою, умышленно пропустить удар – это возможно. Но тогда вы бы сами стали этим падающим фруктом, и только и надежда была бы, что кто-то другой поймает уже вас.

Юный Винченцо задумчиво кивнул. Не могу ручаться, что от моих слов ему стало легче, но большего я дать ему не мог.

— Как думаете, а он тоже уже ответил на свой последний вопрос? — спросил он меня, взглядом указывая на гремящего цепями во время прогулки наёмника. — И сейчас просто падает вниз?

Я не нашёлся с ответом.

— Быстрее, быстрее, — кричал меж тем Безземельный Король на матросов. — Ставь все паруса, бросай за борт шелка и пряности, гребите руками! Я уже слышу, как скрипят ступеньки на моей виселице, как шепчутся люди в толпе. Так не заставим же их ждать!

Из дневника герцога Оранского, запись за четыре

дня до смерти

Стервятники кружат над моей головой, ожидают моей ошибки. Думаю, что раз я временно утратил благосклонность нашего короля, то теперь у них есть шанс. Четвертая публичная казнь заговорщиков, но я всё ещё слышу шёпот. Чувствую взгляды на своей спине. Жадность сильнее страха.

Пробовали подкупить телохранителей, пробовали отравить мою еду, пробовали подослать головорезов на пути к летней резиденции. Принимают мою болезнь за слабость. Напыщенные, бесполезные дураки.

А теперь они вызвали этого демона, де Венжу. Он говорит, что остановился у нас лишь проездом, но пользуется моим гостеприимством уже четвёртый день, держит меня за дурака. Мои люди видели его по всему замку. Вынюхивает. Готовится. Улыбается мне каждый завтрак, обед и ужин с другой стороны стола.

Граф он или нет, но к концу недели я выставлю его вон.

Глава 2. Идеальный удар

1.

Судьбой я шесть раз был благословлён возможностью посетить Ардию, купаясь в её солнечном гостеприимстве и поражаясь широте нравов. Равноудаленная от обоих святых престолов, эта жемчужина Золотых Островов с годами претерпела немало изменений, но неизменно занимает в моем сердце особое место, подобное тому, что занимает первая женщина в жизни каждого мужчины. И, как и всякая женщина, не лишена она была недостатков, которые перед влюблённым моим взором неизменно оборачивались достоинствами и заставляли любить её ещё крепче.

Воистину, нет лучше способа понять разницу между человеком достойным и чернью, чем широкий Восточный Порт.

Едва вы сойдёте на залитый солнцем берег, как я рекомендую вам держаться крепче за свой кошелек. Любой, кто вещает с трибуны про «Бог создал нас равными», очевидно никогда не бывал в Ардии простым гостем. Не был окружён стаями тощих, чумазных детей, не прорывался с боем через толпу жилистых нищих, и не избегал прикосновений болезненного вида проводников, что с чернозубыми улыбками предлагают сопровождение по великому городу.

Бояться, однако, не стоит. Угрозу представляют они лишь

для вашего кошелька, так как смерть любого из гостей торговой столицы вызывает крайнее неудовольствие дожа, а также последующий поиск виновного, решительный и беспощадный. Впрочем, доверять этой нечисти в любом случае не рекомендуется. Особо наглых оборванцев не грех приложить тростью или кулаком, после чего обязательно помыть руки.

В любой момент к вам подойдёт человек необычайной внутренней напряжённости, с плотно сжатыми губами и беспокойными глазами, и, оглянувшись, предложит местных дурманов. Даже если пьянящие добавки составляют одну из целей вашего путешествия – отвечать на его предложения не стоит, так как товар его сильно разнообразен качеством, а цена рассчитана на гостей исключительно наивных.

Дабы смыть с себя грязь первого впечатления, я рекомендую новоприбывшему гостю пройти вдоль набережной, до Центральной Гавани, где расположена гордость республиканского флота. Там качаются на волнах огромные плавучие крепости, основа боевой славы Арде-Лорато, и изысканные плавучие дворцы, принадлежащие великим торговым домам и по недоразумению называемые кораблями. Каждый из них есть произведение искусства, лицо торговой семьи, и демонстрация богатства патриция, им владеющего. А уж богатства у любого властителя Ардии всегда было более чем достаточно.

Несмотря на всеобщее почитание гостей и личную обеспокоенность правителя города их безопасностью, многие

прибывшие предпочитают нанять себе в сопровождение охранника. Лучшие их представители расположены на выходе из Центральной Гавани, и когда я говорю лучшие, я имею ввиду единственные, на кого есть хоть какой-то смысл тратить деньги.

В целом же, что тогда, что сейчас, городская стража справляется со своими обязанностями в достаточной степени, а ваше лишённое загара лицо будет защищать вас куда лучше, чем даже самый грозный из местных головорезов. Некоторые достойные заведения так же имеют личную охрану, но, говоря откровенно, это скорее показная роскошь, чем реальная необходимость. Своего металла на Золотых Островах нет и не было, всё оружие покупается у вореицев в княжестве Ковальском, и стоит удивительно дорого, так что вооружённая охрана – это такой же элемент декора, как мраморные статуи или золотая посуда, просто способ показать богатство и уровень.

Особо изысканные господа могут взять себе в телохранители одну из местных воительниц, коих немного, но которые пользуются стабильным спросом. Посоветую, разве что, перед тем как давать волю своим рукам или воображению, обговорить этот вопрос с дамой – некоторые из них относятся к своей роли слишком серьёзно.

Касательно же вопроса женской ласки, как, собственно, и ласки мужской, я могу сказать вам лишь одно: абсолютно всё, что вы слышали о домах удовольствия Ардии – правда.

Правдой будет и всё то, что вы о них не слышали, но могли подумать, и даже такое, о чем помыслить не смели. Не совершайте, главное, распространённой ошибки всех недавно прибывших, и не берите с собой на свидание больше, чем можете позволить себе потерять. Даже если девушка не сможет все ваши деньги заработать, она или её подруги непременно попытаются их украсть.

Воровство, как вы уже могли заметить, является важной культурной особенностью великого города. Что примечательно, за год здесь не регистрируется ни одного случая кражи, но бесконечное количество пропаж. Если вам случилось не обнаружить на поясе свой кошелёк, а на пальце перстня, то можете даже не тратить время на поиски – вы их просто потеряли. Обвинив же республиканца в воровстве, вы рискуете оказаться в тюрьме куда больше, чем он.

Воровство для многих местных жителей не только традиция, но и едва ли не единственный способ выжить и прокормиться. Когда Ардия стала самым богатым городом во всём известном мире, многие из её коренных жителей с удивлением обнаружили, что больше не могут себе позволить в ней жить. Красота выложенных плиткой улиц и роскошные дворцы удивительным образом соседствуют с крайней нищетой, тесными лачугами и их многочисленными обитателями. Нищих в самом богатом городе вы встретите больше, чем где бы то ни было, и все они хотят есть и выжить. Так что если случится вам заметить на улице красивую девушку, не оде-

тую в цвета одного из семи великих домов, вы вполне можете просто подойти к ней и назвать приемлемую для вас цену.

Лишь однажды я видел, как подобный подход закончился звонкой пощёчиной. В большинстве же своём либо девушка принимала предложение и брала кавалера под руку, либо же в переговоры вступала её мать. Настоятельно, однако, не рекомендую поддаваться греху жадности и дожидаться, когда к переговорам присоединится отец девушки. Или, тем более, множество её братьев, далеко не все из которых могут похвастаться внешним сходством с вашей избранницей. У одной девушки в Ардии легко может найтись и десять братьев, и сотня, и тысяча, если возникнет у неё вдруг такая надобность.

Да, поначалу Ардия кажется чрезмерной: всё в ней налито до края, всего слишком много. Но пройдёт неделя, и некогда бледный, робко сходящий на пристань зарубежный гость сможет полностью освоиться в столице мировой торговли. К концу первой недели вы искренне рассмеётесь, поймав руку незнакомки у своего кошелька. А она вам в ответ лишь улыбнётся и продолжить мило щебетать на ухо самые милые нежности, как будто ничего и не случилось. Или же и вовсе сделает вид, что тянулась к вашему поясу совсем не за кошельком. Причём с абсолютно искренней и обезоруживающей улыбкой, без малейшего притворства с её стороны.

Так жил вольный город, таким он был, и таким навечно останется в моей памяти, какие бы новые порядки там ни

пытались насадить в последние годы.

2.

В тот год было моё пятое по счёту посещение Ардии, но первое – на боевом судне, с трофейным кораблём, ценностями и пленниками в придачу. Как только «Удача Катарины» пришвартовалась в родной гавани, нас встретили как героев, одели на шею венки из цветов и осыпали аплодисментами. На короткое время портовая жизнь замерла в радостном трепетании, и, побросав свои дела, мужчины, женщины и дети приветствовали нас с какой-то даже пугающей гордостью в глазах. Учитывая мой более чем скромный вклад в достижения команды, встречать подобное радушие мне было достаточно неловко. Однако объясниться с пьяными от веселья республиканцами не было решительно никакой возможности, так что я сдался и позволил празднику подхватить меня.

Довольно быстро явился казначей дожа, вступивший в жаркую перепалку с нашим капитаном по поводу вознаграждения за трофеи. Вернее, жаркой эта перепалкой была лишь со стороны чиновника, в то время как господин ди Сильва хранил своё обычное молчание и сверлил собеседника взглядом. В конечном счёте это бурное море и стойкая скала достигли определённого понимания, и великий торговый дом выкупил у капитана трофейный корабль и всех пленников, прочую же добычу оставив в его праве.

Сразу же после этого все матросы собрались кругом на

верхней палубе. Пока казначей описывал пленённых ворлингов да осматривал вражеский корабль, капитан приступил к дележу добычи. То было делом не лёгким, со множеством устоявшихся за века нюансов и серых зон, толкование которых оставалось исключительно в руках капитана корабля. Размер полученной доли определялся рангом, ролью в команде, полученными увечьями, а также индивидуальными достижениями. Так, например, первый забравшийся на вражескую палубу получал не только удар саблей по лицу, но и награду в трёхкратном размере. Отдельно отмечали погибших, отправляя две доли их семьям, если таковые имелись, или же передавая ближайшим товарищам из команды.

Свою небольшую награду, по большей части символическую, получил и я. И по моей же просьбе она ушла на нужды «Удачи Катарины» – решение это было встречено лёгким гулом одобрения со стороны матросов. По всей видимости, это слегка реабилитировало меня в их глазах после моего осторожного поведения во время сражения.

Винченцо же, помимо причитающейся ему доли первого помощника, получил и особую награду – меч Безземельного Короля. На удивление простой по форме, если не сказать грубый, это был легкий одноручный меч без вошедших недавно в моду защитных колец на гарде, равно как и без каких-либо украшений. Такое оружие вполне мог бы сковать какой-нибудь провинциальный кузнец, а носить безродный дружинник, но никак не легендарный главарь наёмников и

претендент на корону Эриндаля.

— На вашем месте я бы не трогал эту штуку, — заметил стоящий в стороне Браудер IV.

Довольно естественно, что Винчензо в то же мгновение обнажил трофейный клинок. Тот оказался таким же простым в исполнении, как и прочие его части, однако при этом удивительного чёрного цвета, столь густого, что даже назвать это цветом было некоторым преувеличением. Это буквально было отсутствие света, заключённое в металл, твёрдая пустота.

— Чародейский клинок, — высказал очевидное юноша, после чего обратился уже к Безземельному Королю. — Что он делает?

Тот пожал плечами:

— То же, что и все прочие мечи: убивает людей и приносит несчастья, — он задумался на мгновение, после чего улыбнулся. — Впрочем, если он оказался в вашей руке, то, может, так оно и должно было быть. Я постараюсь вернуть своё в ближайшие дни, но если у меня не получится, то можете считать меч моим подарком.

— Вы не в том положении, чтобы делать подарки, Ваше Величество, — заметил казначей, толкнув легендарного наёмника в спину. — Двигай давай.

Надо сказать, что если Браудер и шутил про «приносит несчастья», трофейный чародейский клинок действительно не принёс своему новому владельцу много радости. Да и про-

блем он так же доставил немало, в том числе и в самое ближайшее время.

3.

Едва ступив на твёрдую землю, Винченцо ди Арде подал в отставку с должности первого помощника «Удачи Катарины». Об этом своём поступке он никогда не вспоминал в дальнейшем, а я имел достаточно воспитания и хороших манер, чтобы не спрашивать. Он так же взял меня под своё покровительство, назвал гостем семьи ди Арде, и выделил мне две комнаты в их летнем дворце. Не успел я даже заселиться, как он уже поклялся показать мне «настоящую Ардию». Слово своё он сдержал.

В первый же вечер он повёл меня в весьма приличное питейное заведение, хозяин которого мог позволить себе выставить аж четырёх вооружённых охранников. Вино и ром текли рекой, в моих руках незаметно оказывались то бокалы, то кружки, то курительные трубки. Какие-то люди танцевали со мной и пели мне очень красивые песни, обнимали меня в порывах радостных чувств, и я обнимал их в ответ, рыдая без остановки, и без остановки же смеялся.

В какой-то момент я обнаружил себя слушающим какого-то небритого простолюдина, обнимающего копьё. Поговору я безошибочно определил в нём выходца из Циринта. Так как позднее данный молодчик будет иметь определённую важность в нашем повествовании, станет не только бар-

дом при Железном Дворе, но и моим близким другом, я думаю, будет только уместно, если я приведу здесь небольшой фрагмент его рассказа.

— Зовёт меня, значит, папашка наш с покоса и говорит: поедешь на войну, — начал он свою историю. — Ну а я что? Я человек исполнительный, скажут на войну — так на войну, на Империю хоть посмотрю, за всю жизнь и не видал ни шиша ведь, кроме родных просторов. Война, опять же. Интересно ведь посмотреть, что хоть она из себя представляет-то. Да и будет что ответить, если спросят: «Ты там был?». Я им сразу так и отвечу: вот, мол, присутствовал, знаем. Так вот, говорит мне: поедете на войну. По трое человек сказали с каждого двора, от нашего, стало быть, я да племяши мои. Один — тот ещё солдатюга, бывал уже, сам напросился, а другой, значит, просто дурак. Ну и я с ними, за старшего. Ни дать, ни взять победный состав собрался, достойный такой, всех победим. Одна проблема — нет у нас ни шиша, только хер да душа. Дайте, папашке-то я говорю, хоть оружия какого, чем врагов-то карать во славу нового союза, да бронюшки самой заваливающей, для защиты. Не на рыбалку ж едем-то, по большому-то счёту. «Вам там дадут», — отвечает. Ой, а я тебе потом расскажу, как там чего дают, так дают, что не унесёшь. Это ладно пока. Еле выпросил вот кольчужку, и ты сам видишь, какая это кольчуга, не знаю даже, то ли смеяться с неё, то ли плакать. Это ладно. Ну и копыя вот ещё, три штуки, под честное солдатское, что потом верну. Нашему брату — это не

вашему, нам только так. Посидели, значит, с племяшами, ну, как полагается: покушали за ночь до выхода, водички там колодезной попили, ну и на утро немножко оставили, чтобы голова не болела шибко. А потом вышли да пошли. Дядька наш вот до города подбросил на телеге, хотя ему особо и не надо было туда – вот такенный мужик оказался. А мы ему всю жизнь «хромуля, хромуля», нехорошо как-то вышло, в общем – извинились, угостили его немножко.

Я слушал будущего барда как заворожённый, находя в его простецкой, прямолинейной болтовне удивительную свежесть. Если бы тогда я знал, что Император лично пожалует однажды этому простому солдату место при дворе, я бы уже тогда ничуть не удивился. В какой-то момент солдат пропал, а в другой момент появился хозяин заведения, с очень длинным счётом для оплаты. Одна проблема – я не обнаружил при себе никаких денег – потерял, как это в Ардии и бывает. Об этой неприятности я прямо сообщил хозяину заведения и шести его братьям, они же, в свою очередь, назвали меня бесчестным бандитом и лжецом.

По счастью, Винченцо был верен своему слову и по-прежнему оставался рядом. Правда, на другом конце этого славного заведения, отделённый от меня полуобнажёнными телами и неглубоким бассейном с кувшинками, и телами уже обнажёнными.

— Энзо! — кричал я ему и махал руками, точно мельница. — Энзо, я здесь!

Не сразу, но он заметил меня и в тот же миг подошёл самым решительным образом – строго по прямой, через бассейны, кувшинки и обнажённых людей. В мокрой одежде, с неподвижным лицом и речью, слишком быстрой для понимания, он жарко принялся отстаивать мою честь. После он грубо всучил хозяину деньги и выволок меня на свежий воздух, громко хлопнув на прощание дверью и дав слово, что ноги его не будет больше в этом низкосортном гадюшнике.

Свежий солёный воздух ночной Ардии подарил нам достаточно трезвости, чтобы мне захотелось спать, а моему другу – приключений. Не знаю, виной тому его горячая молодая кровь, островной темперамент или желание забыться и не вспоминать мёртвого северянина, но запасы сил его были поистине неистощимыми. Равно как и кошелёк его отца.

Он мигом договорился со скромной и крайне застенчивой девушкой о ночи любви, после чего она повела нас вглубь старых кварталов, по лабиринтам узких улочек и петляющих дорожек. Я шёл следом, старался не разглядывать ни мусор, ни грязь, ни сидящих в мусоре грязных людей. Довольно скоро мы обросли пёстрой компанией кричащих и эмоционально размахивающих руками людей, один из которых сообщил, что будет нашим охранником, а ещё двое освещали путь факелами, пока остальные пели песни и угощали нас дешёвым ромом.

В конечном счёте мы добрались до какой-то лачуги. Там всё и случилось у молодого Энзо, а я смог немного вздрем-

нуть на ближайшей кровати, не имея сил даже разговаривать, и отогнав подбежавшую девушку жестом. Сон мой оказался приятен, но вскоре был прерван гневными криками Энзо, и не менее шумной бранью отца девушки. Если девушка в Ардии позвала отца – это всегда плохая новость.

С трудом подняв своё собственное тело, а по ощущениям будто бы в одиночку вытащив на берег целый корабль, я поспешил на помощь моему юному другу. Довольно скоро мне удалось выяснить, что Винченцо за последний час умудрился не только потерять все свои деньги и вдобавок новые сапоги, но ещё и свой трофейный меч Безземельного Короля. Собственно, деньги и сапоги волновали его в последнюю очередь, что он и продемонстрировал наглядно, сорвав и растоптав на грязном полу свою шёлковую рубашку. За меч же он готов был биться до конца.

Хозяин дома в ответ лишь разводил руками и никак не мог помочь благородному гостю. Более того, старый пройдоха клялся и божился, что гости пришли в его дом уже без меча и без сапог, что удивило его безмерно, но кто он такой, чтобы делать господам замечания по их одежде или вооружению. Все эти мысли хозяин лачуги выражал громкими криками, стремительными хождениями из стороны в сторону, а также эмоциональными взмахами руками. Я чуть сам ему не поверил – настолько он был убедителен.

В какой-то момент беседа накалилась до того, что Винченцо не сдержал праведного гнева и ударил мужчину тыль-

ной стороной ладони по щеке. Что ж, горячая молодая кровь всегда лучше справлялась с алкоголем, чем с пониманием ситуации. Юный сын дожа явно забыл, что находится не на своём корабле, и что вокруг далеко не светлые и просторные главные улицы города. Совсем нет. Многочисленные суровые родственники пострадавшего уже собирались напомнить ему об этом, когда я счёл своим долгом вмешаться.

Представившись, но все равно оставшись неузнанным, я понял, что полагаться на громкие имена будет бессмысленно. Пришлось положиться на то вечное, что всегда было и будет присуще простолюдинам – жажду наживы.

Первым делом я испросил у хозяина дома прощения за действия моего доброго друга и попросил проявить понимание: все же была утеряна очень дорогая вещь, уникальная в своём роде. Настолько уникальная, что любой, кому посчастливится её найти, не сможет её в итоге продать.

Более того, так как затерявшийся клинок весьма известен, то и на всякого, пожелавшего сбыть его с рук, будет наложено подозрение в краже. А то и в убийстве наследника дома Арде, если не дай Бог с юным Винченцо что-то случится. В сущности, меч Безземельного Короля стоил с одной стороны целое состояние, но с другой – не стоил ничего, ведь обменять его на деньги и при этом сохранить голову на плечах было решительно невозможно.

Потому я попросил у наших новых знакомых оказать нам сразу две услуги. Первая – сопроводить нас до дворца, ведь

сразу видно, что перед нами люди честные, но при этом и не робкого десятка. Под их надёжной защитой нам с Винченцо явно будет более чем спокойно.

Вторая же просьба была чуть более сложная: поискать пропавший по пути сюда чародейский клинок с чёрным лезвием. Я разумно предположил, что любой нашедший столь ценную, но бесполезную вещь, будет рад вернуть её за весьма солидное вознаграждение. Деньги в награду столь славному помощнику я, как дворянин и человек чести, обязуюсь выплатить сразу же, как мы доберёмся до дворца.

Надо ли говорить, что пропавший меч нашёлся едва ли не мгновенно? А вскоре все та же скромная и застенчивая девушка, на этот раз в сопровождении многочисленной и молчаливой родни, вывела нас из мрачных трущоб прямо к имению семейства ди Арде. Разумеется, едва мы переступили порог, то попросили вооружённую охрану дворца разогнать проклятую чернь, по возможности щедро угостив их ударами хлыста.

Добравшись до своей кровати, я в то же мгновение умер до утра. Разбудил же меня всё тот же Винчензо, здоровый и свежий, как будто и не был он рядом со мной прошлой ночью — воистину, годы молодые есть благословение для юношей и проклятие для всех окружающих.

— С Новым Годом, мсье де Венжу, — приветствовал он меня широкой улыбкой. — Вставайте, или рискуете проспать весь праздник.

Я с ужасом вспомнил, что республиканцы справляют начало года не весной, как все богобоязненные люди, но в начале лета. Предвкушая ещё один день веселья, я невольно застонал.

— Хорошая утренняя тренировка наверняка может помочь вам обрести силу духа.

— Энзо, друг мой... Единственное, что может мне сейчас помочь, так это удар милосердия.

— Ерунда, — отмахнулся он. — Стоит лишь начать двигаться, и вы мигом придёте в себя. И нет для этих целей занятия лучше, чем упражнения с мечом. Тем более, что сам мастер Бреннивальд нынче гостит у нас и даёт уроки.

Имя прославленного мечника вызвало у меня определённый интерес, но не настолько сильный, чтобы подвигнуть оставить объятия мягкой кровати. И тогда юный Винченцо решил зайти с козырей:

— Присоединитесь ко мне, и я даю слово, что смогу провести вас на закрытое заседание Совета. На суд Безземельного Короля. Готов спорить, вам бы хотелось туда попасть.

Спорить было бессмысленно — я действительно желал этого со всей силой моего врождённого любопытства. Не каждый день судят короля, пусть даже и бывшего, и никогда на моих глазах ещё не судили легенду.

4.

В давние времена, ещё до появления Железной Империи

и магии, дворянские титулы получали ближайшие сторонники завоевателей: проверенные боем и временем полководцы и боевые товарищи. И хотя позднее, под властью способных к магии инженеров, монарху требовалось согласовывать с последователями Леворукого свои решения, новые титулы и земли продолжали уходить людям исключительной воинской доблести. Учитывая необычайно живописное местоположения графства Венжу, красоту его дев и плодородие почвы, я могу заключить, что мой далёкий предок и основатель нашего рода был умелым и отчаянным рубакой.

К сожалению или к счастью, но его талант к убийствам не был мной унаследован ни в какой мере. Меч в моих ножнах служил больше как показатель статуса, нежели чем оружие, и меня это полностью устраивало. Это был довольно неплохой меч, во всяком случае, именно так меня заверяли при его покупке люди, достойные доверия ровно в той степени, в какой её заслуживают торговцы. С острым лезвием, тяжёлый, он неприятно оттягивал пояс и иногда бил ножами по моим ногам во время бега – обычное дело для таких вещей. Но самое главное, он был украшен и выглядел как меч, за который заплатили шесть золотых колец.

Меж тем со своей основной задачей, а именно защищать меня от смерти и других неприятностей, мой меч справлялся просто отлично. И мне даже ни разу не случилось извлечь его из ножен. Бессчётное количество попыток ограбить меня закончилось, едва преступник видел это произведение ис-

кусства и осознавал возможные последствия своей попытки посягнуть на имущество настоящего вельможи.

Во все времена и у всех народов, чужое богатство внушает окружающим куда больше почтения и осторожности, нежели чем грубая сила. За исключением, пожалуй, тех редких случаев, когда вам нужно впечатлить сюзерена и получить после этого титул и хороший земельный надел.

Так как выглядеть внушительно с мечом в ножнах я уже умел в совершенстве, сам по себе грядущий урок фехтования не вызывал у меня большого энтузиазма. Впрочем, как любитель интересных знакомств, я был рад возможности лично повстречаться со знаменитым мастером Бреннивальдом.

Мне доводилось слышать про Двурукого Бренна, легендарного мечника, ещё в юности, а юность моя закончилась довольно давно. Я ожидал встречи с суровым и жилистым старцем, гоняющим молодых дворян точно пастух неуклюжее стадо, но с удивлением увидел перед собой мужчину примерно моих лет и с явными следами праздности во внешнем виде. Последнее, что ожидаешь увидеть у мастера-фехтовальщика, так это солидное брюхо. И никого он не гонял, но наблюдал ленивым полувзглядом за учебным поединком двух юношей, сам в это время нежась в тени статуи святого Лорато. Компанию ему этим солнечным утром составляла полупустая бутылка вина.

— Хватит, молю вас, прекратите, — обратился Бренни-

вальд к ученикам. — Я однажды видел, как голубь подышал на дороге, раздавленный колесом телеги надвое, и это было и вполчину не так ужасно. Вас двоих послал мне в испытание сам Создатель, не иначе.

Я видел лишь окончание того учебного поединка, однако оба юноши, на мой скромный взгляд, сражались вполне достойно, если не сказать больше. Впрочем, я оставил своё мнение при себе, прекрасно зная главный секрет любого учителя — как только ты будешь всем доволен, то и услуги твои, значит, более не нужны. Для хорошего учителя в обучении главное не цель и результат, но сам процесс, и желательн процесс бесконечный.

— Но мастер Бреннивальд, мы ведь делаем все так, как вы говорили?

— Я не помню, чтобы говорил вам махать мечом точно оглоблей.

— Но я же победил.

— Мальчишка, что сечёт веткой крапиву, тоже, как правило, побеждает. Стало быть, он фехтовальщик?

Ученики пристыжено опустили головы. Двурукый Бренн же хлебнул вина прямо из горлышка бутылки и продолжил свой урок:

— Любой дурак может нанести удар, в этом нет решительно ничего сложного. Ваш удар может быть отточен, искусен, но это просто удар. Любой дурак, что знает, где меч стоит взять, а какой частью резать, сможет парировать. Но вот сде-

лать два этих дела одновременно, в один такт — это уже серьёзно, этому стоит поучиться. А уместить три дела в один такт — это достойно мастера. Подобное обыватели уже могут назвать «идеальным ударом».

Именно в этот момент мастер заметил наше приближение.

— Энзо! — услышал я неподдельную радость в его голосе.

— Мальчик мой, какое счастье вновь тебя видеть!

Он встал, достаточно неспешно, однако его улыбка и крепкие объятия были искренними.

— Необычайно рад тебя видеть, особенно в добром здравии. Говорят, ты сражался.

— Кто об этом говорит?

— Да весь город. Юный республиканец вышел один на один против вождя ворлингов, победил его в честном бою, и пленил множество работорговцев. Не удивлюсь, если скоро об этом начнут петь бойкие куплеты.

— Там не было ничего, достойного песни.

— Ты сражался, и ты не умер — это всегда достойно песни, — сказал Бреннивальд с улыбкой, после чего его взгляд обратился ко мне. — А вы, должно быть, граф де Венжу? Добро пожаловать в Ардию, Ваше Сиятельство.

Он не поклонился, но сделал это без вызова в глазах, словно сама мысль склониться перед дворянином не посещала его разум. Впрочем, дружелюбной улыбки он не утратил, а рукопожатие было достаточно крепким и уверенным, но не болезненным.

— Рад знакомству, мастер Бреннивальд. Премного о вас наслышан.

— Большая часть того, что вы слышали, относится к моему отцу или деду. В нашем роду вот уже шесть поколений всех мальчиков называют Бреннивальд, и каждого обучают искусству боя. Это крайне благотворно сказывается на нашем заработке. Полагаю, по всему миру сейчас бродит, по меньшей мере, три десятка Бреннивальдов, и каждый из них мастер меча и учитель фехтования.

Он расхохотался, словно высказал славную шутку, после чего панибратски хлопнул меня по плечу:

— Но могу заверить вас, Ваше Сиятельство, вам удалось повстречать одного из лучших. Эй, вы, — обратился он к своим молодым ученикам. — Пошли прочь отсюда.

— Но мой отец оплатил занятие до полудня, — имел неосторожность пожаловаться один из них.

— Тогда руби своим мечом всю крапиву, что сможешь найти в городе. И тебе лучше не пропустить ни одной, или клянусь всеми святыми, я запишаю её тебе за шиворот, а после скормлю на ужин. И твой отец заплатит за это тоже.

Оба ученика удалились стремительно, едва ли не бегом.

— Разве в Ардии растёт крапива? — спросил я, глядя им вслед.

— Никогда не росла, — вновь раскатился смехом Бреннивальд.

Было удивительным, что кто-то мог принять этого

нескладного пьяницу за мастера меча, однако опыт приучил меня не доверять первому впечатлению. Я постарался смотреть на него непредвзято, и заметил, что встал он спиной к солнцу, так что солнечный свет падал нам с Винченцо в глаза, вызывая неудобство и вынуждая щуриться. Сама поза его, по первому взгляду расслабленная, позволяла мгновенно разорвать дистанцию прыжком, а правая рука Бреннивальда же неизменно, как будто бы невзначай, оказывалась у рукояти его меча.

Моё же изначальное впечатление о его телосложении полагалось в основном на свободный покрой одежды и зелёные пятна от травы, нежели чем на какие-то твёрдые доказательства. По итогу же Двурукий Бренн мог быть в равной степени как никчёмным лентяем, так и ловким убийцей, и эта неопределённость вызывала у меня даже больше опасения, чем если бы он встретил нас на троне из черепов.

— Итак, приступим, Ваше Сиятельство? Что предпочитаете: тренировочные мечи или же реальную сталь?

Я сделал шаг назад и примирительно поднял руки.

— Оставьте, мастер Бренн. Я дипломат, а не боец. Если мне пришлось обнажить оружие, то значит я уже проиграл.

— Мудрость, которой недоставало многим талантливым фехтовальщикам. Все они, к сожалению, давно нас покинули. Однако что, если судьбе будет угодно загнать вас в угол и вынудить взяться за оружие?

— Тогда мне остаётся лишь надеяться, что враги по-

скользнутся на моей крови.

— Вы обещали мне поединок, Жоффруа, — вмешался в наш разговор Винченцо, обнажая свой чёрный клинок.

— Я обещал присоединиться к вам, и вот я здесь. Поверьте, друг мой, одно это уже стоило мне немалых сил, как душевных, так и физических.

Винченцо вздохнул и покачал головой. Очевидно, что в тот момент он ещё не понимал, как много ему даёт его молодость, и не расстался с детской привычкой всех одевать по своим меркам.

— Необычный меч вы привезли с собой из-за Линии, — заметил Бреннивальд, с любопытством оглядывая оружие Винченцо и заложив руки за спину. — Очень любопытная штучка.

— Трофей от Безземельного Короля. Он сказал, что если не сможет его забрать, то это будет подарок.

— Полагаю, можно считать и так. Но думаю, нам лучше не использовать что-то подобное в учебном бою. Зачарованное оружие непредсказуемо.

Я подождал для приличия несколько минут, пока не начнутся их занятия, после чего устроился в тени статуи Лорато, на том же самом месте, где ранее сидел Бреннивальд. Если и было в мире хоть что-то, что пробуждало во мне меньший интерес, чем мечи и поединки, так это уроки обращения с мечом и подготовка к поединкам. Пронаблюдав за монотонными, однообразными движениями учителя и ученика,

должными со временем стать естественными и исполняться без раздумий, я позволил тёплому утреннему солнцу укрыть меня лёгким сном. И под мерный звон стали я отдался ему полностью.

5.

Занятия фехтованием у моего друга закончились к полудню, и к тому времени, когда жизнь в городе как раз набрала свою полную, предпраздничную силу. Улицы наполнились радостным предвкушением, смехом, гирляндами, цветами, бумажными фонариками, нарядными молодыми людьми, и ворчанием потревоженных стариков.

Стоило нам лишь выйти за главные ворота, как милостивая простолюдинка надела мне на шею ожерелье из сплетённых цветов, а после с неподдельной искренностью поцеловала в щеку да убежала неизвестно куда. За суетливым ропотом приготовлений слышались то тут, то там обрывки музыки, а воздух наполнился ароматами свежей выпечки и доброго вина.

Повсюду, куда ни глянь, были маски и причудливые наряды, иной раз далёкие от добропорядочных мыслей, похабные песенки, громкие шлепки, звонкие пощёчины, женский визг и мужской крик. Ничто так не развязывает людям языки и руки, как спрятанное за маской лицо. Местным проповедникам так и не удалось изжить на островах языческой традиции маскарада, так что они просто махнули рукой и сделали

вид, будто святое писание позволяет весь этот безудержный, скрытый за масками и костюмами, кутёж.

Толпы людей были поистине безмерны, и без руки моего доброго Винченцо меня бы неизменно снесло людским потоком в сторону слишком ранних приключений. Впрочем, настроение моего сопровождающего нельзя было назвать особо праздничным, даже не смотря на целых три цветочных венка, украшавших теперь его шею.

Счастливо избежав необходимости махать куском металла, я вызвал сильное неудовольствие Винченцо. Как и всякий молодой человек, что однажды нашёл своё призвание, он поделил весь мир на тех, кто превосходит его в выбранном направлении, и тех, кого превосходит он сам. Те же, кто в силу тех или иных причин был далёк от его искусства, не стоили и внимания. Я, как дворянин, владеющий мечом, и в то же время в искусстве владения мечом не замеченный, вызывал у него, по всей видимости, некоторое душевное беспокойство, разрешить которое мог лишь поединок.

— Вы не сможете прятаться от меня вечно, Жоффруа. Однажды мы с вами сойдёмся в поединке, лицом к лицу, даю вам слово. Это неизбежно.

— Друг мой, если жизнь меня чему и научила, так это что нет ничего неизбежного. Кроме, разве что, смерти — эту встречу с известной долей осмотрительности можно в лучшем случае отложить. А вот отложить начало суда над Браудером IV уже точно не в нашей власти.

Винченцо фыркнул, улыбнулся мне насмешливо.

— Никто в этом городе не скажет, что сын семьи Арде не хозяин своего слова. Я обещал вам проход на заседание суда, и я приведу вас на заседание суда.

— Воистину, сын дожа Пьеро хозяин своего слова.

— Но, памятуя ваше жонглерство со словами, мне следовало бы отплатить вам той же монетой. Привести вас туда в последнюю минуту, например, чтобы вы могли лишь наблюдать, как виновного уводят в цепях.

— Что ж, хозяин волен поступать со своей собственностью так, как ему заблагорассудится. Хозяину слова не зазорно и забрать его обратно.

— Это не то, что я имел в виду.

— Но это то, что вы сказали.

— Вы и ваши слова, Жоффруа... Пойдёмте скорее, а то действительно опоздаем.

Как и всякое дело, решение в котором имело хоть какую-то значимость, суд над Безземельным Королём проходил за закрытыми дверями, а конкретно – в главной городской ратуше, куда мы и направились. Несмотря на все наши усилия, мы, тем не менее, все же опоздали к началу, что, впрочем, не сильно нас расстроило. В начале традиционно зачитывали два списка: первый представлял совет судей, по одному представителю от каждой великой торговой семьи Ардии, а второй содержал перечень преступлений обвиняемого, который оказался не менее длинным.

Собственно, сам Браудер свои деяния и не отрицал. Он и его солдаты действительно захватили Порто-Вердэ, воспользовавшись репутацией Короля как заклятого врага Империи. Он действительно сражается на стороне императора, согласившись за изрядное вознаграждение оказать тому поддержку в захвате свободных городов республики. И он действительно собственной рукой убил несколько республиканцев, сотни погубив своим прямым приказом, и тысячи – своим предательским ударом в спину.

Сам Король при этом выглядел откровенно плохо.

Я знаю немало людей, – и в обычной ситуации это люди разумные и рассудительные, – каковые являются жертвой странного заблуждения, будто пытки можно вытерпеть. Никто из этих знакомых, естественно, никогда под пытками не был. Скажу вам честно: случись мне оказаться связанным в компании заплечных дел мастера, ему даже не придётся доставать свой ужасающий инструмент: я сберегу его и своё время, и сразу же расскажу ему всё, что спросят, признаюсь во всех грехах, реальных и вымышленных. Если тебя собираются пытать опытные люди, то твой выбор не в том, сдаваться или нет. В твоей власти лишь решить, пойдёшь ты потом на казнь, или же тебя на неё понесут.

Браудер IV в тот день, очевидно, расстался со своими заблуждениями насчёт пыток. На суд его приволокли пара дюжих солдат, и один из них помогал легендарному главарю наёмников не упасть со стула. Надо отметить, что угроза по-

зорной виселицы ничуть не волновала подсудимого, а сам процесс занимал его заметно меньше рисунка на витражном окне. На вопросы он отвечал быстро и без малейшего принуждения, двигаться и говорить вообще старался как будто поменьше, сидел сгорбившись, а руки прятал под столом.

Несмотря на полное отсутствие каких-либо возражений или сопротивления со стороны короля Браудера, заседание продлилось четыре с половиной часа. В общем и целом, даже исполни Винченцо свою угрозу и приведи меня на самый конец судебного слушания, мы с вами, дорогие читатели, едва ли бы потеряли хоть что-то. Ведь только в самом конце и случилось событие, заслуживающее нашего внимания.

Перед оглашением приговора, который в тот момент уже ни для кого не стал бы сюрпризом, верховный председатель и по совместительству дож Ардии, достопочтимый Пьеро ди Арде, предоставил обвиняемому последнее слово.

— В качестве своего последнего слова, — дрожащий Браудер IV с огромным трудом поднялся со своего места и улыбнулся. — Я предлагаю благородным патрициям республики сдаться.

Дружный смех был ему ответом, хотя смеялись немногие.

— Храбрые слова для пленника в кандалах, — заметил дож с полуулыбкой, хотя глаза его оставались абсолютно серьёзными. — И что же будет, если мы отклоним ваше щедрое предложение?

— Смерть, хаос, обнищание. Ваших сыновей разложат по

кладбищам, ваши дочери расползутся по кабакам и борделям, а ваше богатство растает, точно дым от костра. А имперские флаги всё равно украсят эти широкие залы.

В этот раз уже никто не смеялся. Про жителей Золотых Островов можно сказать многое, но нельзя не сказать про их горячий нрав и пылкое сердце. Звучали крики и оскорбления, свист, угрозы, проклятия и призывы вздёрнуть наглеца немедленно, четвертовать, освежевать прилюдно. Трижды пришлось дожу ди Арде греметь своим судейским молотком, прежде чем удалось призвать благородные семьи к порядку.

— Ваше счастье, Браудер, что в ваших жилах течёт дворянская кровь, а во мне жива ещё память о вашем отце, — сказал он подчёркнуто спокойно. — Только из почтения к его памяти вы продолжаете дышать. Любого другого за подобную дерзость я приказал бы заколоть на этом самом месте.

— Любого другого закололи бы ещё при встрече, не дав даже возможности передать вам моё предложение, — Безземельный Король вновь ухмыльнулся. — Пришлось доставить его лично.

— Не стоит делать вид, будто ваше присутствие здесь является частью хитроумного замысла. Вы никакой не легендарный полководец, не король и даже не рыцарь. Главарь горстки наёмных головорезов, бандит и предатель, позор для своего рода. Рода, который прервётся утром третьего дня, на

виселище. На этом всё.

Удар судейского молотка. И двое стражников повели Безземельного Короля обратно в темницу.

— Моё предложение о сдаче всё ещё в силе, дож Пьеро, — крикнул он на прощание. — Если вы вдруг передумаете, то знаете где меня найти.

6.

Слушая историю чужой жизни, мы неизменно ожидаем катарсиса развязки, коей может служить в полной мере лишь смерть. Или хотя бы свадьба, если рассказчику не хочется портить вам настроение. И от тех, кого принято называть историческими личностями, невольно ожидаешь, что и их конец будет представлять из себя нечто необычное, наполненное поучительным смыслом.

Часть вины за столь большие ожидания лежит на самих королях и иных людях дворянского сословия, на художниках и драматургах, полководцах и мыслителях. Вся их сила заключена в умении возвыситься, отделить себя от простого люда. И чем дальше получилось отдалиться от прочих, тем больше эта сила. Тем сильнее они боятся разоблачения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.